

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО ТАПАЕВА И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ

(Жалоба №24757/18)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Статья 8 • Статья 14 (+ Статья 8) • Семейная жизнь • Дискриминация •
Непринятие властями разумных и своевременных мер по
воссоединению вдовы с ее детьми, похищенными свекром, на фоне
региональных гендерных стереотипов и патрилинейных обычаев

СТРАСБУРГ

23 ноября 2021 года

*Данное постановление станет окончательным при обстоятельствах,
изложенных в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Возможна редакционная
правка.*

В деле «Тапаева и другие против России»

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседая Палатой в следующем составе:

Жорж Раварани, *Председатель*,
Георгиос А. Сергидес,
Дмитрий Дедов,
Мария Эльосеги,
Аня Зайберт-Фор,
Андреас Цюнд,
Фредерик Кренц, *судьи*,

и Милан Блашко, *Секретарь Секции*,

Принимая во внимание:

жалобу (№ 24757/18) против Российской Федерации, поданную в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданкой России Луизой Абуевой Тапаевой («первая заявительница») от своего имени и от имени своих четырех дочерей – Макки Чингисхановны Ахмадовой, Мархи Чингисхановны Ахмадовой, Амины Чингисхановны Ахмадовой и Зулихан Чингисхановны Ахмадовой («вторая, третья, четвертая и пятая заявительницы») 23 мая 2018 года;

решение уведомить Правительство Российской Федерации («Правительство») о жалобе;

решение рассмотреть вышеуказанную жалобу в приоритетном порядке в соответствии с правилом 41 Регламента Суда;

замечания Правительства и ответные замечания заявителек;

комментарии, представленные неправительственными организациями Centre for Peacebuilding and Community Development (рабочее название Peacebuilding UK («PBUK»)) и Equal Rights Trust («Trust»), с разрешения Председателя Секции;

Проведя закрытое заседание 19 октября 2021 года,

Выносит следующее постановление, принятое в тот же день:

ВВЕДЕНИЕ

1. Настоящее дело касается неоказания российскими властями помощи первой заявительнице в воссоединении с ее дочерьми – второй, третьей, четвертой и пятой заявительницами, отсутствия в этой связи эффективных внутригосударственных средств правовой защиты и лежащей в основе такого отказа в помощи дискриминации по признаку пола.

ФАКТЫ

2. Заявительницы родились в 1988, 2008, 2009, 2011 и 2013 годах, соответственно, и проживают в селе Гойты Урус-Мартановского района Чеченской Республики. Интересы заявителец представляли юристы Stichting Justice Initiative, неправительственной организации (НПО) с офисом в Утрехте, Нидерланды, в сотрудничестве с НПО «Астрей».

3. Правительство вначале представлял М. Гальперин – Представитель Российской Федерации в Европейском суде по правам человека, а затем его преемник на этом посту М. Виноградов.

4. Факты дела, как они представлены сторонами, можно кратко изложить следующим образом.

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

A. Предыстория дела

5. В 2008 году первая заявительница вышла замуж за Ч.А. Супруги поселились у родителей Ч.А. в селе Гойты.

6. В 2008, 2009, 2011 и 2013 годах у первой заявительницы родились четыре дочери – вторая, третья, четвертая и пятая заявительницы.

7. 8 июня 2015 г. Ч.А. погиб при исполнении служебных обязанностей.

8. 28 июня 2015 г. заявительницы переехали к родителям первой заявительницы, проживавшим в том же селе Гойты.

9. Девочки поддерживали контакт с бабушкой и дедом по отцовской линии, проводя с ними выходные. Начиная с 2016 года, бабушка и дед по отцовской линии не предпринимали попыток общения с детьми.

10. 10 апреля 2016 года тесть первой заявительницы Б.А. при содействии неизвестных лиц похитил детей. Первой заявительнице не позволили общаться с ее дочерьми. С тех пор она их практически не видела.

B. Первое судебное решение, определившее место жительства детей с первой заявительницей, и исполнение этого решения

11. 29 июня 2016 года первая заявительница обратилась в Урус-Мартановский городской суд («городской суд») с просьбой определить место жительства детей с ней; заявительница указала, что дети были похищены их дедом по отцовской линии. В ответ Б.А. обратился в суд с просьбой определить место жительства детей с ним.

12. В тот же день городской суд постановил, что дети должны проживать с матерью и с дедом по отцовской линии по месту жительства последнего.

13. Первая заявительница обжаловала решение, указав на невозможность его исполнения, поскольку заявительница не проживала и не желала проживать по месту жительства своего тестя.

14. 15 сентября 2016 года Верховный суд Чеченской Республики («Верховный суд») рассмотрел жалобу и отменил решение от 29 июня 2016 года, определив место жительства детей с первой заявительницей.

15. 28 октября 2016 года первая заявительница обратилась в районный отдел судебных приставов Урус-Мартановского района (далее – «районный отдел судебных приставов») с просьбой о возбуждении исполнительного производства по судебному решению от 15 сентября 2016 года.

16. 3 ноября 2016 г. судебный пристав-исполнитель районного отдела судебных приставов отказал в возбуждении исполнительного производства и вернул исполнительный лист первой заявительнице. В постановлении об отказе говорилось, что предъявленный первой заявительницей исполнительный лист не соответствует требованиям ФЗ «Об исполнительном производстве», а именно, что резолютивная часть решения суда от 15 сентября 2016 года не содержит указаний о возложении на должника требования о передаче взыскателю имущества или денежных средств либо о совершении определенных действий или требования воздержаться от их совершения.

17. По жалобе первой заявительницы 14 ноября 2016 года главный судебный пристав Чеченской Республики отменил постановление от 3 ноября 2016 года как незаконное.

18. 24 ноября 2016 года было возбуждено исполнительное производство. Впоследствии оно было прекращено 27 февраля 2017 года, возобновлено 2 марта 2017 года и вновь прекращено 4 апреля 2017 года из-за отказа детей переехать по месту жительства матери.

19. 6 марта 2017 года первая заявительница оспорила постановление от 3 ноября 2016 года в административном порядке.

20. 30 марта 2017 года городской суд признал незаконным бездействие судебного пристава-исполнителя по исполнительному производству в отношении Б.А.

21. 23 мая 2017 года Верховный суд отменил указанное решение и отказал в удовлетворении иска первой заявительницы по причине пропуска ею установленного законом срока подачи искового заявления.

22. Позже в мае 2017 года и в декабре 2018 года первая заявительница жаловалась в прокуратуру Урус-Мартановского района Чеченской Республики («прокуратура») на длительное неисполнение судебного решения от 15 сентября 2016 года.

23. В июне 2017 года прокуратура направила представление руководителю Управления Федеральной службы судебных приставов по Чеченской Республике относительно проведения исполнительного производства без уведомления и участия первой заявительницы. На судебного пристава-исполнителя, ответственного за исполнение решения, было наложено дисциплинарное взыскание. В материалах дела отсутствует ответ на жалобу заявительницы от декабря 2018 года.

24. Между тем 26 октября 2018 года первая заявительница вновь обратилась в районный отдел судебных приставов с просьбой о возбуждении исполнительного производства.

25. 7 ноября 2018 г. в ее просьбе было отказано на том основании, что исполнительный документ не содержит предписаний о совершении Б.А. определенных действий или о воздержании от совершения определенных действий.

26. 7 декабря 2018 года старший судебный пристав районного отдела судебных приставов признал указанное решение законным и отказал первой заявительнице в удовлетворении ее жалобы.

27. 5 февраля 2019 года первая заявительница обратилась в городской суд с административным иском, в котором оспаривала бездействие районного отдела судебных приставов и просила передать исполнительное производство в отдел сложных исполнительных производств.

28. 6 марта 2019 года городской суд отказал в удовлетворении иска первой заявительницы, сославшись, в частности, на решение от 6 апреля 2018 года, оставленное без изменения апелляционным определением от 12 июля 2018 года (см. ниже пп. 44-45).

29. 25 марта 2019 года первая заявительница обжаловала указанное решение в Верховном суде. Результат обжалования неизвестен.

С. Второе судебное решение, определившее место жительства детей с первой заявительницей, и исполнение решения

30. Первая заявительница обратилась в суд с иском к Б.А. об отобрании у него детей и передаче их ей. Она пояснила, что судебные приставы не могут исполнить определение от 15 сентября 2016 года из-за отсутствия в исполнительном листе конкретного требования отобрать детей у Б.А.

31. 5 июня 2017 года городской суд удовлетворил ее иск. В своем решении городской суд учел, что первая заявительница не была лишена родительских прав, хотела заниматься воспитанием своих детей и не уклонялась от родительских обязанностей, что она проживает в родительском доме, где имеются условия для жизни детей, а также имеет стабильный доход (заработок и пенсия по потере кормильца).

32. 26 сентября 2017 года Верховный суд ЧР оставил без удовлетворения апелляционную жалобу Б.А. на решение от 5 июня 2017 года и оставил указанное решение без изменения. Верховный суд отметил, что 15 сентября 2016 года уже определил место жительства детей по месту жительства заявительницы, однако дети заявительнице не переданы, что она лишена возможности общения с ними и участия в их воспитании, и что служба судебных приставов, сославшись на отсутствие в исполнительном документе термина «отобрание детей [у Б.А.]» практически устранилась от исполнения решения суда, что породило возникновение нового спора по делу. Верховный суд оставил без изменения решение от 5 июня 2017 года, отметив отсутствие каких-либо обстоятельств, препятствующих преимущественному перед другими лицами праву первой заявительницы как матери на воспитание своих детей.

33. 17 июля 2017 года судебный пристав-исполнитель районного отдела судебных приставов возбудил исполнительное производство в соответствии с судебным решением от 5 июня 2017 года.

34. 19 июля 2017 года судебный пристав-исполнитель вызвал Б.А. в районный отдел судебных приставов к 10:00 24 июля 2017 года. Однако Б.А. на прием к судебному приставу не явился.

35. Из материалов дела следует, что 9 августа, 16 октября и 10 ноября 2017 года судебный пристав-исполнитель посетил Б.А. по месту жительства, но совершить исполнительные действия не смог, поскольку в первом случае Б.А. не было дома, а в обоих следующих случаях дети вместе с дедом по отцовской линии находились у родственников за пределами Урус-Мартановского района. При этом первая заявительница утверждала, что ни одну из сторон не уведомили об упомянутых исполнительных действиях. Кроме того, она представила документы, подтверждающие, что в указанные дни дети как обычно ходили в школу в селе, где проживали.

36. 6 ноября 2017 года первая заявительница подала в городской суд административное исковое заявление об оспаривании бездействия судебного пристава-исполнителя.

37. 23 ноября 2017 года судья Верховного суда ЧР определил приостановить исполнение судебного решения об отобрании детей и передаче их первой заявительнице до окончания производства в суде кассационной инстанции (см. ниже).

38. В тот же день по просьбе первой заявительницы исполнительное производство было передано из районного отдела судебных приставов в Межрайонный отдел судебных приставов г. Грозного («МРО СП»).

39. 24 ноября 2017 года судебный пристав-исполнитель МРО СП приостановил исполнительное производство.

40. В связи с вышеупомянутым решением 1 декабря 2017 года городской суд приостановил производство по административному исковому заявлению первой заявительницы.

41. 5 апреля 2018 года городской суд возобновил административное производство по исковому заявлению первой заявительницы и отказал в удовлетворении ее иска на основании отмены решения от 5 июня 2017 года и кассационного определения от 26 сентября 2017 года Президиумом Верховного суда (см. ниже).

D. Отмена второго определения места жительства детей с первой заявительницей в суде кассационной инстанции и последующих инстанциях

42. 23 октября 2017 года Б.А. обратился в Президиум Верховного суда ЧР с просьбой в кассационном порядке отменить судебное решение от 5 июня 2017 года, оставленное без изменения апелляционным определением от 26 сентября 2017 года. В своей кассационной жалобе Б.А. заявлял, что как старший в семье, хочет, чтобы его внуки росли и воспитывались в его доме, где они могут получить достойное морально-нравственное воспитание. Он также указал, что никто в семье первой заявительницы не придерживается религии, что первая заявительница уклоняется от контактов с органами местного управления и представителями духовенства для разрешения спора и что дети не получают в ее семье правильного нравственного и духовного воспитания.

43. 8 февраля 2018 года Президиум Верховного суда ЧР отменил решение суда от 5 июня 2017 года и определение апелляционной инстанции от 26 сентября 2017 года в связи с существенными нарушениями норм материального права и направил дело на новое рассмотрение в городской суд в новом составе суда. Президиум Верховного суда, в частности, установил, что при вынесении решений суды первой и апелляционной инстанций не приняли во внимание следующие обстоятельства при выяснении вопроса о том, проживание с кем из сторон будет наиболее соответствовать интересам детей: кто проявляет больше заботы и внимания к детям, социальное поведение сторон, морально-психологическая обстановка в местах проживания сторон, возможность своевременного получения медицинской помощи, привычный круг общения детей (друзья, воспитатели, учителя, привязанность ребенка не только к родителям, братьям и сестрам, но и к деду и бабушке, проживающим с ними одной семьей), удобство расположения образовательных учреждений, спортивных клубов и учреждений дополнительного образования, которые посещают дети, возможность создания каждой из сторон условий для посещения таких дополнительных занятий, а также цель предъявления

иска. Президиум Верховного суда далее отметил, что органом опеки и попечительства даны противоречивые заключения о целесообразности проживания детей с каждой из сторон (в пользу первой заявительницы в суде первой инстанции, но в пользу ответчика в суде апелляционной инстанции).

44. 6 апреля 2018 года городской суд постановил, что дети должны проживать с Б.А., и определил условия контактов первой заявительницы с детьми.

45. 12 июля 2018 года Верховный суд оставил упомянутое решение без изменения, за исключением того, что часть о контактах первой заявительницы с дочерьми была отменена.

46. Первая заявительница подала кассационную жалобу в Верховный суд РФ с просьбой отменить постановление президиума Верховного суда ЧР от 8 февраля 2018 года.

47. 12 октября 2018 года судья Верховного Суда РФ отказал в передаче кассационной жалобы для рассмотрения Судебной коллегией по гражданским делам ВС РФ. В частности, судья отметил, что в своем решении от 8 февраля 2018 года спор не был разрешен по существу президиумом ВС ЧР, а решение по существу было принято впоследствии новым постановлением городского суда от 6 апреля 2018 года, оставленным без изменения апелляционным определением Верховного суда ЧР от 12 июля 2018 года, об отказе первой заявительнице в удовлетворении ее иска о возвращении дочерей от Б.А. Далее судья указал, что первая заявительница может обжаловать эти новые решения в установленном законом порядке¹.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

A. Конституция Российской Федерации

48. Согласно Конституции РФ, государство гарантирует гражданам равенство прав и свобод независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации (части. 2 и 3 Статьи 19).

¹Кассация первого уровня в президиуме Верховного Суда ЧР, а затем кассация второго уровня в Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ.

В. Семейный кодекс Российской Федерации

49. Согласно Семейному кодексу, ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, насколько это возможно, право знать своих родителей, право на их заботу и право на совместное с ними проживание, за исключением случаев, когда это противоречит интересам ребенка (часть 2 Статьи 54).

50. Родители имеют право и обязаны воспитывать и обучать своих детей. Родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. Родители имеют преимущественное право на обучение и воспитание своих детей перед всеми другими лицами (часть 1 Статьи 63).

51. Родители вправе требовать возврата ребенка от любого лица, удерживающего его у себя не на основании закона или не на основании судебного решения. В случае возникновения спора родители вправе обратиться в суд за защитой своих прав. При рассмотрении этих требований суд вправе с учетом мнения ребенка отказать в удовлетворении иска родителей, если придет к выводу, что передача ребенка родителям не отвечает интересам ребенка (часть 1 Статьи 68).

52. Ребенок вправе выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства. Учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам (Статья 57).

53. Суд может лишить родителя родительских прав по заявлению другого родителя или лица, заменяющего родителей, заявлению прокурора, а также по заявлениям социальных служб, если, среди прочего, родитель жестоко обращается с ребенком, в том числе осуществляет физическое или психическое насилие или покушается на половую неприкосновенность ребенка (Статья 69 и часть 1 Статьи 70).

54. Суд с учетом интересов ребенка может принять решение об ограничении родительских прав и отобрании ребенка у родителя по иску близкого родственника ребенка, социальных служб, образовательной организации или прокурора. Ограничение родительских прав допускается, если оставление ребенка с родителем опасно для ребенка (Статья 73).

С. Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации

55. Положения внутреннего законодательства о пересмотре судебных постановлений, вынесенных судами первой инстанции, см. в

Abramyan and Others v. Russia ((dec.), nos. 38951/13 and 59611/13, §§ 29-45, 12 May 2015).

D. Федеральный закон от 2 октября 2007 года «Об исполнительном производстве» («Закон 2007 года об исполнительном производстве»)

56. См. соответствующие положения внутригосударственного законодательства в постановлении по делу *Pakhomova v. Russia* (no. 22935/11, §§ 91-112, 24 October 2013).

E. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (вступил в силу 4 мая 2011 года)

57. См. соответствующие положения внутригосударственного законодательства в постановлении по делу *Pakhomova* (упомянутое выше, §§ 100-03).

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

58. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин («КЛДЖ»), ратифицированная Россией 23 января 1981 года, предусматривает следующее:

Статья 1

«Для целей настоящей Конвенции понятие «дискриминация в отношении женщин» означает любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое направлено на ослабление или сводит на нет признание, пользование или осуществление женщинами, независимо от их семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин, прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой области».

Статья 2

«Государства-участники осуждают дискриминацию в отношении женщин во всех ее формах, соглашаются безотлагательно всеми соответствующими способами проводить политику ликвидации дискриминации в отношении женщин и с этой целью обязуются:

...

(b) принимать соответствующие законодательные и другие меры, включая санкции, там, где это необходимо, запрещающие всякую дискриминацию в отношении женщин;

(c) установить юридическую защиту прав женщин на равной основе с мужчинами и обеспечить с помощью компетентных национальных судов и других государственных учреждений эффективную защиту женщин против любого акта дискриминации;

ТАПАЕВА И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ. ПОСТАНОВЛЕНИЕ СУДА

(d) воздерживаться от совершения каких-либо дискриминационных актов или действий в отношении женщин и гарантировать, что государственные органы и учреждения будут действовать в соответствии с этим обязательством;

(e) принимать все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин со стороны какого-либо лица, организации или предприятия;

(f) принимать все соответствующие меры, включая законодательные, для изменения или отмены действующих законов, постановлений, обычаев и практики, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин;

(g) отменить все положения своего уголовного законодательства, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин».

Статья 3

«Государства-участники принимают во всех областях, и в частности в политической, социальной, экономической и культурной областях, все соответствующие меры, включая законодательные, для обеспечения всестороннего развития и прогресса женщин, с тем чтобы гарантировать им осуществление и пользование правами человека и основными свободами на основе равенства с мужчинами».

Статья 5

«Государства-участники принимают все соответствующие меры с целью:

(a) изменить социальные и культурные модели поведения мужчин и женщин с целью достижения искоренения предрассудков и упразднения обычаев и всей прочей практики, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипности роли мужчин и женщин ...»

Статья 16

«1. Государства-участники принимают все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин во всех вопросах, касающихся брака и семейных отношений, и, в частности, обеспечивают на основе равенства мужчин и женщин:

...

d) одинаковые права и обязанности мужчин и женщин как родителей, независимо от их семейного положения, в вопросах, касающихся их детей; во всех случаях интересы детей являются преобладающими ...»

59. Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин («Комитет КЛДЖ») – экспертный орган ООН, наблюдающий за выполнением государствами КЛДЖ – в своих принятых в 2010 году заключительных замечаниях по периодическим докладам Российской Федерации (CEDAW/C/RUS/CO/7) настоятельно призывает государство-участника «незамедлительно разработать всеобъемлющую стратегию, включая обзор и разработку законодательства и установление целей и сроков, для изменения и ликвидации традиционной практики и стереотипов, которые носят дискриминационный по отношению к женщинам характер» (§ 21).

60. В принятых в 2015 году заключительных замечаниях по восьмому периодическому докладу Российской Федерации (CEDAW/C/RUS/CO/8) Комитет КЛДЖ отмечает, что «глубоко обеспокоен регулированием семейных отношений на Северном Кавказе, где по-прежнему доминирует концепция, согласно которой дети “принадлежат” отцу, что на практике приводит к ситуациям, когда женщины после развода утрачивают какую-либо связь со своими детьми» (§ 45). Комитет рекомендует государству-участнику «принять законодательные меры, необходимые для ликвидации существующей на Северном Кавказе концепции, согласно которой дети “принадлежат” отцу, и обеспечить равноправие женщин в области родительских прав во всех случаях» (§ 46 (d)).

61. В докладе Хьюман Райтс Вотч 2011 года «Женщина должна знать свое место», документирующем гендерную дискриминацию в отношении женщин в Чеченской Республике, говорится:

«... он [Кадыров, лидер Чеченской Республики] неоднократно, в том числе на местном телевидении [которое, по-видимому, находится под его контролем], открыто заявлял о необходимости большей “скромности” со стороны женщин, которые, среди прочего, не должны выходить на улицу с непокрытой головой... публично рассуждал о том, что женщины являются собственностью мужчин, которым они должны во всем подчиняться, и фактически оправдывал убийство ради сохранения чести рода. Ему вторили и другие представители республиканского руководства».

62. В сообщении Хьюман Райтс Вотч от 2017 года “In Chechnya, a ruthless strongman orders family reunification” [«Авторитарный правитель Чечни приказал семьям воссоединиться»] говорится:

«Авторитарный правитель Чечни Рамзан Кадыров в июне начал программу по воссоединению разведенных семей. Якобы обеспокоенный ростом числа разводов и влиянием таких разводов на детей, Кадыров создал местные советы “для гармонизации брака и семейных отношений”. Советы, состоящие из чиновников и мусульманских религиозных деятелей, составляют списки разведенных пар в своих районах и обращаются к супругам, предлагая им примириться.

...

Настоящая причина [восторженной поддержки многими чеченскими женщинами инициативы Кадырова по воссоединению семей] неочевидна для живущих за пределами Чечни: дело в том, что программа “воссоединения семей” – единственный способ для этих женщин, их подруг и родственниц увидеться с детьми, которых женщина лишилась из-за развода. Согласно традиционным чеченским законам, которые местные власти выполняют даже если это противоречит российским законам и международным обязательствам в области прав человека, дети принадлежат отцу и его семье».

63. В своем докладе Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) Дик Марти, докладчик по вопросу нарушений прав человека на Северном Кавказе Комитета ПАСЕ по юридическим вопросам и

правам человека, критически оценил ситуацию с правами человека в регионе по итогам своей поездки в Чечню, Ингушетию и Дагестан весной 2010 года. В отношении прав женщин Марти писал:

«10. Что касается связи между религиозной практикой и правами женщин, то нам поступали сообщения об унижающем достоинство обращении, которому женщины подвергались после введения норм, прямо продиктованных режимом, которым руководит нынешний президент Чеченской Республики. Женщины, которых застали на улице с непокрытой головой, подвергаются публичному унижению на местном телевидении. В нарушение российского законодательства чеченские суды сегодня применяют нормы шариатского права. В результате, например, родственники умершего мужа могут забрать у вдовы детей старше 12 лет и имущество. Подобное превалярующее отношение к женщине не может быть оправдано ссылками на традиции и культурную специфику. Это недопустимая ситуация, которая к тому же нередко усугубляется действиями и заявлениями представителей местной власти...»

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

64. Первая заявительница жаловалась на отказ национальных властей помочь ей воссоединиться с дочерьми – заявительницами со второй по пятую, и на нарушение вследствие этого ее права на уважение семейной жизни согласно Статье 8 Конвенции, которая гласит:

“1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни...

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц”.

A. Приемлемость

65. Государство указало, что действовавшим на тот момент ГПК РФ была установлена двухуровневая кассационная процедура обжалования постановлений судов первых двух инстанций, что было признано Судом как эффективное средство правовой защиты в деле *Abramyan and Others v. Russia* ((dec.), nos. 38951/13 и 59611/13, 12 May 2015). Таким образом, власти утверждали, что не обжаловав в кассационном порядке судебное постановление от 6 апреля 2018 года и апелляционное определение от 12 июля 2018 года, первая заявительница не исчерпала доступные ей эффективные внутренние средства правовой защиты.

66. Первая заявительница утверждала, что подав в Верховный суд РФ кассационную жалобу на постановление Президиума Верховного суда ЧР от 8 февраля 2018 года, отменившее решение в ее пользу (см. выше п. 46), она выполнила требование об исчерпании внутренних средств защиты. Кроме того, первая заявительница указала, что продолжает предпринимать усилия по обеспечению исполнения судебного решения от 15 сентября 2016 года, согласно которому место жительства ее дочерей было определено с ней (см. выше пп. 24-29).

67. Суд напоминает, что государства освобождаются от ответственности перед международным органом за свои действия до того, как получают возможность рассмотреть соответствующие дела в рамках собственной правовой системы. Лица, желающие обратиться к надзорной юрисдикции Суда с жалобами на государство, обязаны сначала использовать средства правовой защиты, предусмотренные государственной правовой системой (см. *Vučković and Others v. Serbia* (preliminary objection) [GC], nos. 17153/11 and 29 others, § 70, 25 March 2014, and *Akdivar and Others v. Turkey*, 16 September 1996, § 65, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-IV).

68. Следовательно, обязанность исчерпать внутригосударственные средства правовой защиты требует от заявителя обычного использования доступных и достаточных средств правовой защиты в отношении своих жалоб на нарушение Конвенции. Существование таких средств не должно вызывать разумных сомнений не только в теории, но и на практике, иначе они утрачивают необходимые признаки доступности и эффективности (см. упомянутые выше *Vučković and Others*, § 71, и *Akdivar and Others*, § 66). Чтобы средство правовой защиты считалось эффективным, оно должно давать возможность непосредственно и с разумными шансами на успех исправить оспариваемую ситуацию (см. упомянутое выше *Vučković and Others*, § 74).

69. Суд далее подчеркивает, что в отношении данного правила следует должным образом учитывать тот факт, что оно применяется в общем контексте системы защиты прав человека, которую обязались создать Высокие договаривающиеся стороны. Поэтому Суд отмечает, что правило исчерпания внутренних средств правовой защиты должно применяться с некоторой степенью гибкости и без чрезмерного формализма. Суд также признает, что правило исчерпания средств правовой защиты не является абсолютным и не может применяться автоматически. При решении вопроса о том, было ли соблюдено это правило, важно учитывать конкретные обстоятельства каждого дела. Это означает, помимо прочего, что необходимо реалистически учитывать не только формальное наличие средств защиты в правовой системе конкретного государства, но и общий правовой и политический контекст, в котором они применяются, равно как и

личные обстоятельства заявителей (см. упомянутое выше *Akdivar and Others*, § 69).

70. Обращаясь к фактам настоящего дела, Суд отмечает, что после того как тесть первой заявительницы Б.А. похитил ее детей – заявительниц со второй по пятую, первая заявительница обратилась в суд с иском к Б.А., требуя вернуть ей детей и определить их место жительства с ней (см. выше п. 11). В результате рассмотрения ее иска Верховный суд вынес определение от 15 сентября 2016 года в пользу заявительницы (см. выше п. 14). Затем она обратилась в отдел судебных приставов за содействием в исполнении данного судебного решения. Таким образом, первая заявительница дала российским властям возможность исправить в рамках их собственной правовой системы предполагаемое нарушение права на уважение семейной жизни ее и ее дочерей.

71. Однако Суд констатирует, что из-за нежелания судебных приставов исполнить в 2016-2018 годах судебное определение от 15 сентября 2016 года со ссылкой на отсутствие в исполнительном документе конкретного указания на то, что Б.А. должен передать детей первой заявительнице (см. выше пп. 16-25), первая заявительница обратилась в суд с новым иском к Б.А. с целью получения судебного решения, содержащего такое конкретное указание (см. выше п. 30). Верховный суд ЧР отметил в этой связи, что «служба судебных приставов, сославшись на отсутствие в исполнительном документе термина "отобрание детей [у Б.А.]", практически устранилась от исполнения решения суда [от 15 сентября 2016 года], что породило возникновение нового спора по делу» (см. выше п. 32). Данное разбирательство закончилось постановлением городского суда от 6 апреля 2018 года о том, что дети должны проживать с Б.А., которое 12 июля 2018 года было оставлено без изменения Верховным судом (см. выше пп. 44-45), и заявительница не оспаривала указанные решения в кассационном порядке.

72. Поскольку новое разбирательство было вызвано невозможностью для первой заявительницы добиться исполнения первоначального определения места проживания детей, а не каким-либо изменением фактических обстоятельств, Суд считает, что от первой заявительницы не требовалось подавать кассационные жалобы в целях исчерпания внутренних средств правовой защиты по смыслу Статьи 35 § 1 Конвенции. Иной вывод в обстоятельствах данного дела был бы равносителен чрезмерному формализму и неоправданному бремени для первой заявительницы, особенно с учетом важности с точки зрения Статьи 8 фактора времени при решении подобных семейных вопросов. Поэтому Суд отклоняет возражение властей Российской Федерации о неисчерпании средств правовой защиты.

73. Настоящая жалоба не является ни явно необоснованной, ни неприемлемой по каким-либо другим основаниям, указанным в Статье 35 Конвенции. Поэтому Суд объявляет ее приемлемой.

В. Существо дела

1. Доводы сторон

(а) Заявители

74. Заявительницы утверждали, что государство не выполнило свое позитивное обязательство по обеспечению их права на уважение семейной жизни, не исполнив судебное решение от 15 сентября 2016 года, определившее место жительства детей с первой заявительницей. Судебные приставы не хотели и (или) не могли исполнить решение о воссоединении первой заявительницы, единственного родителя, с ее дочерью. В результате девочки продолжают проживать со своим дедом по отцовской линии Б.А., который с апреля 2016 года препятствует любым контактам между детьми и первой заявительницей. Вместо того чтобы обратиться в городской суд с просьбой дать пояснения к решению от 15 сентября 2016 года, судебные приставы предпочли отказать первой заявительнице в возбуждении исполнительного производства, что не оставило ей иного выбора, кроме как обратиться в городской суд с новым иском к Б.А. о передаче ей дочерей. Это отдалило перспективы воссоединения заявительниц и закончилось в итоге судебным решением, определившим место жительства детей с дедом по отцовской линии, несмотря на отсутствие каких-либо исключительных причин, позволяющих игнорировать преимущественное перед всеми другими лицами право родителей на обучение и воспитание своих детей (см. выше п. 50).

(б) Правительство

75. Правительство утверждало, что национальные власти приняли все необходимые меры для выполнения своего позитивного обязательства в соответствии со Статьей 8 Конвенции обеспечить сохранение семейных связей между заявителями. Власти представили свои доводы в отношении судебного разбирательства, определившего место жительства детей с дедом по отцовской линии. В этой связи власти указали, что первая заявительница не была лишена родительских прав в отношении своих детей и в случае препятствий к общению с детьми могла обратиться в суд с иском об определении ее прав на общение с ними, а также имела право получать информацию о детях от органов образования, опеки и попечительства, здравоохранения и социальной защиты. Не было представлено доводов

относительно неисполнения национальными властями решения от 15 сентября 2016 года, согласно которому дети должны были проживать с матерью – первой заявительницей.

2. Оценка, данная Судом

76. Общие принципы данной Судом оценки кратко изложены в деле *Gubasheva and Ferzauli v. Russia* (no. 38433/17, §§ 43-44, 5 May 2020), и *Y.I. v. Russia* (no. 68868/14, §§ 75-78, 25 February 2020).

77. Суд отмечает, во-первых, что по мнению обеих сторон, связь между заявительницами следует квалифицировать как «семейную жизнь» для целей статьи 8 Конвенции. Далее Суд отмечает, что первая заявительница, разлученная со своими дочерьми с апреля 2016 года (см. выше п.10), обратилась к национальным властям в июне 2016 года за помощью в воссоединении с детьми. Таким образом, Суд должен установить с учетом конкретных обстоятельств дела, приняты ли национальными властями все необходимые меры, которых на разумных основаниях можно было бы ожидать, для воссоединения заявительниц, и соответствовали ли принятые меры требованию незамедлительности в связи с характером рассматриваемых отношений.

78. Суд отмечает, что 15 сентября 2016 года Верховный суд Чеченской Республики принял решение в пользу первой заявительницы, определив место проживания ее дочерей, заявительниц со второй по пятую, которым на тот момент было восемь, шесть, пять и три года соответственно, с заявительницей. Не имея возможности забрать детей у их деда по отцовской линии, отказавшегося добровольно подчиниться указанному решению, 28 октября 2016 года первая заявительница обратилась в районный отдел судебных приставов с просьбой о возбуждении исполнительного производства.

79. Исполнительное производство было возбуждено почти месяц спустя, 24 ноября 2016 года, после жалобы первой заявительницы на первоначальный отказ в возбуждении исполнительного производства от 3 ноября 2016 года со ссылкой на отсутствие в исполнительном листе прямого указания на то, какие действия должен был совершить Б.А. Вместо того чтобы обратиться в городской суд для уточнения положений исполнительного листа от 15 сентября 2016 года – что было бы наиболее уместным и быстрым способом устранения неопределенности в вопросе о конкретных мерах, требуемых от судебных приставов-исполнителей (см. *Pakhomova v. Russia*, no. 22935/11, § 92, 24 October 2013), в последующие пять месяцев районный отдел судебных приставов прекращал исполнительное производство дважды – 27 февраля и 4 апреля 2017 года. Государство-ответчик не представило информации о каких-либо исполнительных действиях, предпринятых районным отделом судебных приставов в

этот период. Суд отмечает в этой связи, что в июне 2017 года прокуратура направила представление руководителю Управления Федеральной службы судебных приставов по Чеченской Республике относительно проведения исполнительного производства без уведомления и участия первой заявительницы, после чего на судебного пристава-исполнителя, ответственного за исполнение решения, было наложено дисциплинарное взыскание (см. выше п. 23).

80. Тем временем первая заявительница подала еще один иск, продолжая добиваться отобрания своих дочерей у Б.А. Решением от 5 июня 2017 года, оставленным без изменения апелляционным определением от 26 сентября 2017 года, городской суд удовлетворил ее иск, не усмотрев оснований, препятствующих преимущественному праву первой заявительницы как матери на воспитание и обучение ее четырех дочерей. Верховный суд ЧР отметил в своем апелляционном определении, что «служба судебных приставов, сославшись на отсутствие в исполнительном документе термина "отобрание детей [у Б.А.]", практически устранилась от исполнения решения суда, что породило возникновение нового спора по делу» (см. выше п. 32).

81. Далее Суд отмечает, что 17 июля 2017 года судебный пристав-исполнитель районного отдела судебных приставов возбудил исполнительное производство в соответствии с судебным решением от 5 июня 2017 года. Меры принудительного исполнения, предпринятые судебными приставами в последующий четырехмесячный период с июля по ноябрь 2017 года, ограничились вызовом на прием к судебному приставу, который Б.А. проигнорировал, и тремя посещениями Б.А. по месту жительства, где он отсутствовал (см. выше 34-35). Правительство не представило никаких доказательств в опровержение утверждения первой заявительницы о том, что стороны не были проинформированы об этих исполнительных действиях. Также не было представлено доказательств применения каких-либо мер принудительного исполнения в отношении Б.А. в течение срока исполнительного производства. Позже, 24 ноября 2017 года, исполнительное производство было приостановлено в связи с тем, что Б.А. инициировал процедуру пересмотра решения от 5 июня 2017 года в кассационном порядке.

82. Суд с серьезной обеспокоенностью отмечает, что после отмены в кассационном порядке решения от 5 июня 2017 года, оставленного без изменения апелляционным определением от 26 сентября 2017 года, городской суд 6 апреля 2018 года вынес новое решение, оставленное без изменения апелляционным определением Верховного суда Чеченской Республики от 12 июля 2018 года, о том, что дети должны проживать с дедом по отцовской линии Б.А. Данное судебное решение было вынесено без учета положения закона о преимущественном праве родителей на обучение и воспитание своих детей перед всеми

другими лицами (см. выше п. 50) и их праве требовать возврата своих детей от любого лица, удерживающего их у себя не на основании закона или судебного решения (см. выше п. 51), без ссылки на какие-либо исключительные обстоятельства, делающие проживание детей с единственным живущим родителем опасным, нежелательным или иным образом противоречащим их интересам (см. выше пп. 53-54), невзирая на незаконное удержание детей Б.А. с апреля 2016 года и воспрепятствование контактам первой заявительницы с детьми и на явное бездействие и нежелание национальных властей обеспечить исполнение предыдущих судебных решений, принятых в пользу первой заявительницы.

83. Принимая во внимание вышеизложенное, Суд приходит к выводу, что российские власти не предприняли без неоправданной задержки все меры, которых можно было ожидать на разумных основаниях, для содействия заявительницам в воссоединении и тем самым нарушили право на уважение их семейной жизни, гарантированное Статьей 8.

84. Таким образом, имеет место нарушение Статьи 8 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

85. Заявительницы жаловались на отсутствие у них эффективного средства правовой защиты их семейной жизни, как этого требует Статья 13 Конвенции, которая гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

86. Правительство повторило свой аргумент о том, что первой заявительнице были доступны эффективные внутригосударственные средства правовой защиты, которыми она не воспользовалась (см. выше п. 65).

87. Заявительницы настаивали на своей жалобе, утверждая, что неисполнение судебного решения о проживании детей с первой заявительницей сделало данное решение иллюзорным. Первая заявительница испробовала все возможные средства правовой защиты: она обращалась к главным судебным приставам на районном, республиканском и федеральном уровнях, добивалась передачи исполнительного производства из районного в межрайонный отдел судебных приставов, оспаривала отказы приставов в возбуждении исполнительного производства, но ни одна из ее попыток не принесла положительного результата.

88. Суд отмечает, что данная жалоба связана с рассмотренной выше и, следовательно, также должна быть признана приемлемой.

89. В свете своих выводов относительно Статьи 8 Конвенции (см. выше пп. 76-84) Суд полагает, что нет необходимости отдельно рассматривать вопрос о том, имеет ли место в данном случае нарушение Статьи 13.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ В СОЧЕТАНИИ СО СТАТЬЕЙ 8

90. И наконец, первая заявительница жаловалась на то, что отказ национальных властей помочь ей воссоединиться с дочерьми является дискриминацией по признаку пола. Она ссылаясь на статью 14 Конвенции в сочетании со статьей 8. Статья 14 гласит:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

A. Приемлемость

91. Как неоднократно заявлял Суд, статья 14 дополняет другие материально-правовые положения Конвенции и Протоколов к ней. Она не существует независимо, поскольку действует лишь в отношении «осуществления прав и свобод», гарантированных указанными положениями. Хотя для применения статьи 14 Конвенции не требуется, чтобы эти положения предварительно были нарушены – и в этом смысле данная статья Конвенции автономна – она не может применяться до тех пор, пока обстоятельства рассматриваемого Судом дела не попадут в сферу действия одной или нескольких статей Конвенции (см. *Konstantin Markin v. Russia* [GC], no. 30078/06, § 124, ECHR 2012 (выдержки), с дальнейшими ссылками).

92. Стороны не оспаривали, что данное дело попадает в сферу действия статьи 8 Конвенции. Со своей стороны, Суд пришел к выводу, что непринятие властями мер для содействия воссоединению первой заявительницы с ее дочерьми, заявительницами со второй по пятую, является нарушением их права на уважение семейной жизни и противоречит Статье 8 Конвенции (см. выше пп. 83-84). Из этого следует, что в настоящем деле применима Статья 14 Конвенции в сочетании со Статьей 8.

93. Суд отмечает, что данная жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

В. Существо дела

1. Доводы сторон

(а) Первая заявительница

94. Первая заявительница утверждала, что представила потенциально доказуемые (*prima facie*) доводы, указывающие на дискриминацию по признаку пола, которые Правительство даже не пыталось опровергнуть.

95. Она утверждала, что в основе решений местных властей лежала доминирующая в Северокавказском регионе концепция, согласно которой в интересах детей – жить с отцом или же, если отец умер либо отсутствует по иным причинам, с родственниками отца, а не с матерью. Первая заявительница утверждала, что существование такой концепции полностью подтверждается фактами настоящего дела, а также открыто дискриминационной политикой и практикой и заявлениями высокопоставленных официальных лиц региона. Первая заявительница осталась единственным родителем заявительниц со второй по пятую. Однако ей не позволили воссоединиться с детьми, которые уже несколько лет проживают с дедом по отцовской линии, похитившим их в апреле 2016 года.

96. Норма обычного права, согласно которой в случае развода или смерти отца дети должны проживать со своими родственниками по отцовской линии, проходит красной нитью через все официальные процессы принятия решений и негласно признается как судебными органами, так и службами судебных приставов-исполнителей, особенно в Чеченской Республике. Таким образом, пол и статус первой заявительницы (матери-одиночки – положение без какого-либо статуса в чеченском обществе – которая отказывается жить с родителями мужа) стали решающим фактором как в исполнительном производстве, так и в последующем судебном разбирательстве об опеке над детьми. Как видно в настоящем деле, власти применяли эту квазиофициальную норму с помощью различных тактик препятствования исполнительному производству и его затягивания. Вместо того чтобы проявить необходимую добросовестность с учетом безотлагательности ситуации и течения времени, власти воспользовались этим ключевым фактором времени в ущерб интересам первой заявительницы, добившись продления периода ее разлуки с детьми и тем самым отчуждения детей от нее и снизив тем самым шансы на эффективное исполнение судебного решения.

97. Первая заявительница также утверждала, что хотя на ее пол не было прямо указано, решающим фактором стало то, что она женщина, пытающаяся забрать детей у родственников по отцовской линии.

98. Первая заявительница сослалась на выраженную Комитетом КЛДЖ озабоченность по поводу регулирования семейных отношений на Северном Кавказе (см. выше п. 59) и на соответствующие заявления руководства Чеченской Республики (см. выше п. 61). Заявительница также отметила, что Правительство ранее уже признало, что в соответствии с чеченскими традициями при распаде семьи ребенок по общему правилу воспитывается в семье отца (см. *Elita Magomadova v. Russia*, no. 77546/14, §§ 48 and 65, 10 April 2018).

99. Первая заявительница также утверждала, что в ответ на продемонстрированное ею отличие в обращении с женщинами в отношении опеки над детьми на Северном Кавказе власти Российской Федерации не смогли доказать обоснованность такого различия. Они не представили никаких доводов в опровержение утверждений заявительницы и третьих сторон. Они не привели статистических данных, к примеру, по количеству дел, в которых женщины на Северном Кавказе успешно добились исполнения постановлений об опеке над детьми, или количеству не завершенных на данный момент исполнительных производств. Такая информация могла бы дать точную картину административной и судебной практики. Со своей стороны первая заявительница несколько раз безуспешно пыталась получить статистические данные от местной и федеральной служб судебных приставов-исполнителей. Последний по времени запрос заявительницы был отклонен на том основании, что она не является стороной какого-либо исполнительного производства.

100. Первая заявительница пришла к выводу об отсутствии разумных или объективных оснований для отказа национальных властей помочь ей в воссоединении с дочерьми, что являлось нарушением Статьи 14 Конвенции в совокупности со Статьей 8 в связи с явно дискриминационными обычаями, практикой и квазиофициальной региональной политикой.

(b) Правительство

101. Правительство сослалось на положения статьи 19 Конституции Российской Федерации (см. выше п. 48) и заявило, что в настоящем деле отсутствовало нарушение Статьи 14 Конвенции в совокупности со статьей 8.

(c) Третьи стороны, участвующие в деле

(i) *The Centre for Peacebuilding and Community Development (Центр миростроительства и общественного развития, Великобритания)*

102. Центр сообщил о существовании повсеместной и устойчивой дискриминационной социокультурной практики в отношении женщин в Северокавказском регионе РФ в сферах супружеских отношений,

семейного права и семейной жизни, развода и опеки над детьми, а также намеренного закрепления такой практики и возведения ее на уровень *de facto* политики агентами государства (органами опеки и попечительства, учителями, врачами, сотрудниками правоохранительных органов и судьями). В частности, большинству разведенных или овдовевших матерей отказывают в опеке над несовершеннолетними детьми, в участии в их воспитании, а также в регулярных или вообще любых контактах с собственными детьми. Матери нередко не видят своих детей годами, а порой и полностью утрачивают с ними контакт. Такой отказ в праве на семейную жизнь происходит в основном за пределами официальной системы права, но и в тех немногих случаях, когда матери обращаются в суд, судьи и судебные приставы систематически оказываются неспособны защитить их родительские права. Дела об опеке и исполнение принятых судами решений часто затягиваются на годы и характеризуются процессуальными нарушениями, незнанием оптимальных методов оценки потребностей и благополучия детей и намеренным нежеланием службы судебных приставов исполнять судебные решения. В основе подобных решений лежит не финансовое или психологическое состояние матери как родителя и не интересы детей, а исключительно пол матери – следовательно, такие решения являются дискриминационными. Основанием для них является гендер матери из-за глубоко укоренившихся местных социокультурных практик и верований, согласно которым дети «принадлежат» только отцовской стороне семьи с точки зрения как кровного родства и идентичности, так и представлений о собственности.

103. Важно отметить, что такие споры об опеке не касаются вопросов о том, кто лучше исполняет родительские обязанности – отец или мать, кто из родителей исполнял главную роль в уходе за ребенком до развода или у кого из них более тесная эмоциональная связь с ребенком. Из-за строго определенных и жестко контролируемых обществом гендерных ролей отцы в этом регионе редко на практике участвуют в уходе за детьми как до, так и после развода. Поэтому, когда отец требует опеки над ребенком после развода, это делается не для того, чтобы отец мог играть главную роль в уходе за своим ребенком. Эта задача будет возложена на одну из родственниц отца. Более того, в некоторых случаях отец не проживает в одном доме или даже в одном городе с ребенком после получения права на опеку, а передает ребенка своим родителям или другим родственникам по отцовской линии, иногда разлучая братьев или сестер, которых помещают в разные семьи.

104. Центр предложил перечень мер, которые может предпринять государство для решения указанных проблем, в том числе информировать женщин об их правах согласно официальному

светскому законодательству, защищать женщин от угроз, давления и преследований, провести всестороннюю проверку оперативности и эффективности действий службы судебных приставов по принудительному исполнению решений об опеке над детьми, создать специальную комиссию по проверке существующей в Республике Дагестан, Республике Ингушетия и Чеченской Республике практики присуждения опеки над детьми на предмет соблюдения закона и прав сторон.

(ii) *The Equal Rights Trust*

105. Организация напомнила, что достижение гендерного равенства является не только основной целью Совета Европы и его государств-членов, но и имеет первостепенное значение с точки зрения международного законодательства о правах человека. Во многих контекстах гендерное неравенство стало главной причиной того, что женщины не могли пользоваться и другими основными правами. Хотя системный и структурный характер гендерной дискриминации создает трудности для сбора доказательств, лучшие примеры международной и европейской практики указывают на то, что для эффективной борьбы с такой дискриминацией ее необходимо выявлять и привлекать виновных к ответу. Учитывая эту ключевую цель, организация утверждала, что даже в случае признания Статьи 8 Конвенции, следует рассматривать возможность применения и Статьи 14 во всех случаях, где присутствуют потенциально доказуемые (*prima facie*) факты гендерной дискриминации – например, в случае вынесения решения не в пользу одинокой матери в контексте проживания семьи в глубоко патриархальном регионе с преобладанием патрилинейных обычаев.

106. Далее организация подчеркнула, что особое значение такие выводы имеют с точки зрения борьбы с «институциональной» дискриминацией со стороны государственных властей, когда дискриминационные социальные нормы настолько укоренились в институциональной структуре, что трудно или невозможно получить прямые доказательства дискриминации в каждом конкретном случае. Для оценки того, имел ли место *prima facie* случай дискриминации, необходимо изучить контекстуальные доказательства предполагаемой системной гендерной дискриминации на Северном Кавказе и доминирования там традиционных патрилинейных практик. К таким доказательствам можно отнести постановления российских судов и заявления официальных органов, доклады договорных органов и специальных процедур ООН, доклады авторитетных неправительственных организаций, представленные ранее Суду доказательства по аналогичным делам, а также статистические и иные данные, если таковые имеются. Государство могло опровергнуть *prima facie* утверждения о дискриминации, продемонстрировав, что различие

в обращении было продиктовано исключительно объективными факторами.

2. Оценка, данная Судом

(а) Общие принципы

107. Чтобы можно было ставить вопрос о нарушении запрета дискриминации согласно Статье 14 Конвенции, должно иметь место различие в обращении с разными лицами в аналогичных или относительно похожих ситуациях. Такое различие в обращении является дискриминационным, если не имеет объективного и разумного оправдания – иными словами, если оно не преследует законную цель или если не существует разумной соразмерности между используемыми средствами и преследуемой целью (см. упомянутое выше *Konstantin Markin*, § 125). Противоречащая Конвенции дискриминация также может быть следствием сложившейся *de facto* ситуации (см. *D.H. and Others v. the Czech Republic* [GC], no. 57325/00, § 175, ECHR 2007-IV, and *S.A.S. v. France* [GC], no. 43835/11, § 161, ECHR 2014 (extracts)).

108. Если заявитель продемонстрировал различие в обращении, бремя доказывания оправданности такого различия возлагается на государство-ответчика (см. *D.H. and Others v. the Czech Republic*, упомянутое выше, § 188, и *Volodina v. Russia*, no. 41261/17, § 111, 9 July 2019).

109. По вопросу о том, каким должно быть доказательство *prima facie*, чтобы бремя доказывания перешло к государству-ответчику, Суд напоминает, что в ходе разбирательств в Суде отсутствуют какие-либо процессуальные барьеры допустимости доказательств или predetermined формулы их оценки. В делах, где заявители утверждали о разнице в воздействии какой-либо общей меры или фактической ситуации, Суд в значительной степени опирался на представленные сторонами статистические данные для установления различий в обращении между двумя группами – мужчинами и женщинами – в сходных ситуациях (см. *Volodina*, упомянутое выше, § 112, с дальнейшими ссылками). Однако это не означает, что косвенная дискриминация не может быть доказана и без статистических данных (см. *D.H. and Others v. the Czech Republic*, упомянутое выше, § 188).

110. Коль скоро доказано существование масштабного системного предубеждения, как в вышеназванных делах, заявительнице уже не нужно доказывать, что она стала жертвой отдельного случая такого предубеждения. Однако при недостаточности данных, подтверждающих дискриминационный характер законодательства и практики либо их последствий, для обоснования жалобы на

дискриминацию потребуется доказать предвзятое отношение конкретного должностного лица, занимающегося делом пострадавшей (см. *Volodina*, упомянутое выше, § 114, 9 July 2019, с дальнейшими ссылками).

111. Обеспечение гендерного равенства является сегодня одной из главных целей государств-членов Совета Европы, и требуются очень веские причины, чтобы такое различие в обращении можно было считать совместимым с Конвенцией. В частности, ссылки на традиции, общепринятые концепции или доминирующие в обществе той или иной страны взгляды не могут служить оправданием различий в обращении с людьми на основании их пола. Например, государство не должно навязывать обществу традиции, вытекающие из главенствующей роли мужчины и второстепенной роли женщины в семье (см. *Konstantin Markin*, упомянутое выше, § 127, и более позднее *Carvalho Pinto de Sousa Morais v. Portugal*, no. 17484/15, § 46, 25 July 2017, с дальнейшими ссылками).

(b) Применение этих принципов в настоящем деле

112. Принимая во внимание выдвинутые первой заявительницей доводы (см. выше пп. 94-100), Суд отмечает, что предполагаемое различие в обращении с женщинами в вопросе опеки над детьми в Северокавказском регионе является не следствием формулировки соответствующих положений в российском законодательстве, а скорее *de facto* политикой агентов государства. Соответственно, в настоящем деле Суду предстоит установить, привело ли применение законодательства на практике к тому, что первой заявительнице по причине ее пола и в отсутствие какого-либо объективного и разумного основания было отказано в праве на семейную жизнь с ее детьми после смерти их отца.

113. Первая заявительница утверждала, что предполагаемое различие в обращении с женщинами в вопросах опеки над детьми на Северном Кавказе со всей очевидностью подтверждается откровенно дискриминационной политикой и практикой в регионе и заявлениями высокопоставленных должностных лиц, а также фактами настоящего дела. В частности, она ссылалась на выражение озабоченности по данному вопросу Комитетом КЛЖД, который отметил в своих заключительных замечаниях по восьмому периодическому докладу Российской Федерации, что «глубоко обеспокоен регулированием семейных отношений на Северном Кавказе, где по-прежнему доминирует концепция, согласно которой дети “принадлежат” отцу, что на практике приводит к ситуациям, когда женщины после развода утрачивают какую-либо связь со своими детьми». Комитет рекомендовал государству-участнику «принять законодательные меры, необходимые для ликвидации существующей на Северном Кавказе

концепции, согласно которой дети "принадлежат" отцу, и обеспечить равноправие женщин в области родительских прав во всех случаях» (см. выше п. 59).

114. Первая заявительница ссылалась на заявления властей по делу *Элиты Магомадовой* (см. выше п. 98), в которых они признали, что в соответствии с чеченскими традициями при распаде семьи ребенок по общему правилу воспитывается в семье отца (см. *Elita Magomadova*, упомянутое выше, §§ 48 и 65). Далее заявительница ссылалась на доклады Хьюман Райтс Вотч, в которых документально подтверждена гендерная дискриминация женщин в Чеченской Республике в сфере семейной жизни и воспитания детей, а также отмечено, что согласно традиционным чеченским законам, которые местные власти выполняют даже если это противоречит российским законам и международным обязательствам в области прав человека, дети принадлежат отцу и его семье (см. выше пп. 61-62). Докладчик по вопросу нарушений прав человека на Северном Кавказе Комитета ПАСЕ по юридическим вопросам и правам человека также сообщил, что у овдовевшей женщины семья умершего мужа может забрать детей, и такое отношение основано на местных традициях и культурных особенностях и нередко усугубляется действиями и заявлениями местных властей (см. выше п. 63).

115. Суд отмечает, что участвующие в деле третьи стороны – неправительственные организации Centre for Peacebuilding and Community Development и Equal Rights Trust – сообщили о существовании системной гендерной дискриминации женщин в Северокавказском регионе, в том числе в сфере опеки над детьми. Вторая организация утверждала, в частности, что Северный Кавказ является чрезвычайно патриархальным регионом с глубоко укоренившимися местными социокультурными практиками и верованиями, согласно которым дети «принадлежат» только отцовской стороне семьи с точки зрения как кровного родства и идентичности, так и представлений о собственности, что отказ в праве на семейную жизнь происходит в основном за пределами формальной правовой системы, а в тех немногих делах, которые доходят до суда, судьи и судебные приставы-исполнители обычно оказываются неспособны эффективно защитить права матерей (см. выше пп. 102-106).

116. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что судебные решения, вынесенные в пользу первой заявительницы как матери и единственного живущего родителя детей в соответствии с Семейным кодексом РФ, дающим родителям преимущественное право опеки над детьми в случае споров, исполнены не были. Длительное неисполнение в итоге привело к судебному решению, которым без учета факта похищения детей дедом по отцовской линии Б.А. и его отказа подчиниться постановлению Верховного суда о месте

жительства детей с матерью определено, что дети должны остаться жить у Б.А., и тем самым ретроспективно одобрен отказ последнего вернуть детей их матери, который он обосновал тем, что как старший в семье хочет, чтобы его внуки воспитывались и получали образование в его доме (см. выше пп. 42 и 82). Таким образом, власти без какой-либо уважительной причины поддержали и легализовали ситуацию, в которой мать была лишена права воспитывать и обучать своих детей из-за доминирования в регионе гендерных стереотипов и традиционных патрилинейных обычаев.

117. Суд также отмечает, что ранее рассмотрел несколько дел, поданных заявительницами из Северокавказского региона России, и установил нарушения Статьи 8 Конвенции на фоне обстоятельств, аналогичных настоящему делу (см. *Elita Magomadova*, и *Gubasheva and Ferzauli*, упомянутые выше; *Zelikha Magomadova v. Russia*, no. 58724/14, 8 October 2019; *Muruzheva v. Russia*, no. 62526/15, 15 May 2018; и *Yusupova v. Russia*, no. 66157/14, 20 December 2016).

118. В свете вышеизложенного Суд считает, что практическое применение соответствующего законодательства в настоящем деле равносильно дискриминации первой заявительницы по признаку пола. Государство-ответчик не представило объективных и разумных объяснений, а в своих доводах относительно Статьи 14 Конвенции ограничилось отрицанием нарушения и ссылкой на Конституцию Российской Федерации, гарантирующую мужчинам и женщинам равные права и свободы и равные возможности для их реализации (см. выше п. 101).

119. Следовательно, имеет место нарушение Статьи 14 Конвенции в сочетании со Статьей 8.

IV. II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

120. Статья 41 Конвенции гласит:

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне”.

A. Компенсация вреда

121. Заявительницы потребовали компенсацию морального вреда, причиненного им в результате предполагаемого нарушения Конвенции, в том размере, какой определит Суд.

122. Правительство утверждало, что поскольку заявительницы не указали точную сумму запрашиваемой компенсации, данное требование должно быть отклонено.

123. Суд устраивает то, как заявительницы сформулировали свое требование. Суд во многих случаях уже удовлетворял сформулированные таким образом требования (см. *D.N. v. Switzerland* [GC], no. 27154/95, § 60, ECHR 2001-III; *Bykov v. Russia* [GC], no. 4378/02, § 111, 10 March 2009; *Vladimir Ushakov v. Russia*, no. 15122/17, § 109, 18 June 2019; и *Gubasheva and Ferzauli*, упомянутое выше, § 64).

124. В свете обстоятельств дела и на справедливой основе в соответствии с требованиями Статьи 41 Суд присуждает первой заявительнице 16 250 евро в качестве компенсации морального вреда плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы. Что касается остальных заявительниц, Суд считает, что само по себе установление нарушения обеспечивает справедливую компенсацию морального вреда, причиненного им в результате нарушения их прав, предусмотренных Статьей 8 Конвенции (см. из последних по времени постановлений *Thompson v. Russia*, № 36048/17, § 78, 30 марта 2021 г., с дополнительными ссылками). Суд также постановляет, что Государство должно в срочном порядке принять все необходимые меры для обеспечения уважения семейной жизни заявительниц, особо принимая во внимание интересы детей.

В. Расходы и издержки

125. Первая заявительница также запросила компенсацию расходов по ведению ее дела в национальных судах в размере 1196 евро и в Европейском суде в размере 12 939,90 евро. Она представила платежные квитанции, подтверждающие ее расходы в связи с разбирательством дела в национальных судах, и подробный отчет о расходах по ведению дела в Суде, включая юридические услуги, почтовые и административные расходы. Первая заявительница просила перечислить оплату расходов по ведению дела в Суде непосредственно на банковский счет *Stichting Justice Initiative*.

126. Правительство утверждало, что требование первой заявительницы о возмещении расходов по ведению ее дела в национальных судах не связано с рассмотрением дела Судом и что представленные ею к возмещению расходы по ведению дела в Суде не были фактически понесены, поскольку договор между первой заявительницей и ее представителями предусматривал, что названная сумма подлежит уплате только в случае вынесения Судом постановления, признающего нарушение ее прав.

127. Согласно практике Суда, заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек, если доказано, что они были фактически понесены, необходимы и разумны в количественном отношении (см. *Buzadji v. the Republic of Moldova* [GC], no. 23755/07, § 130, ECHR 2016,

и *Merabishvili v. Georgia* [GC], no. 72508/13, § 370, ECHR 2017). Расходы на вознаграждение представителя считаются фактически понесенными, если заявитель их оплатил или обязан оплатить (см. *Ždanoka v. Latvia*, no. 58278/00, § 122, 17 June 2004, и *Merabishvili v. Georgia* [GC], упомянутое выше, § 372). Принимая во внимание имеющиеся в его распоряжение документы и вышеназванные критерии, Суд считает целесообразным присудить первой заявительнице 1196 евро в качестве компенсации судебных расходов на национальном уровне и и 8000 евро на оплату расходов по ведению дела в Суде, причем последняя сумма должна быть перечислена непосредственно на банковский счет Stichting Justice Initiative, плюс любые налоги, подлежащие уплате первой заявительницей (ср. *Zelikha Magomadova*, упомянутое выше, §§ 124-26).

С. Проценты за просрочку

128. Суд считает, что сумма процентов за просрочку должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобу приемлемой;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 8 Конвенции в отношении всех заявительниц;
3. *Постановляет*, что нет необходимости отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 Конвенции;
4. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 14 Конвенции в совокупности со Статьей 8 Конвенции в отношении первой заявительницы;
5. *Постановляет*
 - (а) что государство-ответчик должно выплатить первой заявительнице в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, следующие суммы, с конвертацией в валюту государства-ответчика по курсу на дату выплаты:
 - (i) 16 250 (шестнадцать тысяч двести пятьдесят евро) плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы, в качестве компенсации морального вреда;

- (ii) 9 196 евро (девять тысяч сто девяносто шесть евро) плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы первой заявительницей, в счет возмещения расходов и издержек, из которых 8000 евро (восемь тысяч евро) должны быть перечислены на банковский счет Stichting Justice Initiative;
 - (b) что со дня истечения трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;
6. *Отклоняет* оставшуюся часть требований заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 23 ноября 2021 года, в соответствии с Правилom 77 пп. 2 и 3 Регламента Суда.

{signature_p_2}

Милан Блашко
Секретарь

Жорж Раварани
Председатель Секции